

Йорвиг вспомнил, как сидел с братьями Хардфелл в шахтерской столовой в Глубоком Вырезе.

«Мы не пойдем», — сказал старший, Грил Хардфелл. Грил был приверженцем скандальной секты молодых дворфов, которые настаивали на публичном использовании своих скрытых имен, вызывая возмущение среди старших дворфов Глубокого Выреза. Несмотря на это, он был компетентным шахтёром и, более того, искусным огранщиком драгоценных камней. Секта называла себя Именем Силы, веря в силу своих истинных имен, которые будут вести их в жизни, но по какой-то причине только в том случае, если они заявляли о своих именах, открыто рассказывая о них.

Это было странно для Йорвига, но они выросли вместе в одном и том же старом Глубоком Вырезе, вместе с Слэдждфистом, Хобблфут и остальными, и они не отказались от своей дружбы, когда два брата Хардфелл увлеклись новой причудой.

"Что ты имеешь в виду?" — спросил Йорвиг. Они должны были уйти всего через три недели.

«Пока что, по крайней мере», — сказал Хлиф, младший брат.

«Если мы промедлим, мы рискуем наступлением зимы. Мы не знаем, как далеко вверх по реке они заняли свой участок».

«Смотри», — сказал Грил, вытирая рот после напитка, который он только что выпил из оловянной кружки. «Мы можем прийти позже, но только после того, как увидим что-то блестящее».

«Но ведь ты обещал Слэдждфисту!»

«Нет», — ответил Грил. «Я сказал ему, что если эта инициатива приведет к добыче качественных драгоценных камней, я приеду и ограню их на месте за долю. Я никогда не обещал прийти раньше».

«Это не так, как он мне об этом сказал», — ответил Йорвиг.

«Я знаю, но мне не хотелось с ним спорить. Ты знаешь, каким он может быть, когда ему приходит в голову идея».

Йорвиг уставился на Грила. Смуглый дворф вряд ли мог жаловаться об упрямой идее, хотя он и был приверженцем Имени Силы.

«У них точно будет прорыв. Они добьются успеха. В Красных Хребтах есть руда и драгоценные камни».

Братья Хардфеллы переглянулись, обмениваясь бессловесными мыслями.

«Там нет rinlen», — сказал Хлиф. Это было дворфийское слово, означающее “капитан”

Йорвиг сделал растерянное лицо и наморщил лоб.

«У них есть и Слэдждфист, и Хобблфут».

«Два rinlen не лучше, чем один», — сказал Грил.

«Ты знаешь поговорку», — добавил Хлиф.

Йорвиг знал поговорку: Шахтеров много, но капитан один.

«Пусть нам привезут образец этим летом или осенью. Тогда мы сможем поехать вместе следующей весной».

«Но они будут ждать вас в этом году».

Грил пожал плечами.

«Тогда следующей».

Йорвиг откинулся назад, забыв о своем напитке. Это означало, что может пройти два года, прежде чем они отправятся на шахту. До тех пор ему придется наниматься на добычу угля или соли, но кто возьмет подмастерья-шахтера с двухлетней клятвой? Пять считались короткими.

«Я иду», — сказал он.

«Не будь безрассудным», — ответил Хлиф.

И вот он там, погруженный в свои мысли, глядя на хвостохранилище, полное гниющих сосен. Они еще не прорвались. Если бы Грил пришел, ему бы нечего было делать. Слэдждист и Хобблфут были так нетерпеливы и так уверены, что смогут найти хороший пласт у поверхности. Они сказали, что к весне у них будет куча вещей, ожидающих Грила. Скептицизм Грила не был беспочвенным, но Йорвиг съел уверения старших дворфов. Он вздохнул и направился в штольню на ночлег. Он даже ещё не начал рыть спальную нишу.

Была масса работы. Им нужно было прорезать дымоходы и вентиляционные отверстия, что требовало сверл — длинных заостренных железных стержней со стальными головками, предназначенные для пробивания скалы кувалдами. Для изготовления бит и сверл им нужно было выплавить руду в блумерийной печи, затем выковать ее и, наконец, выкопать новые проходы и камеры для переноса кузницы и плавильни внутрь.

И это было слишком большим количеством работ для участка, который ещё не прорвался.

На следующее утро Йорвиг вышел из кладовой, где он спал на камне, и встретил Хобблфута в штольне.

«Хорошего пробуждения», — сказал дворф. У Хобблфута было то, что они называли «ранними полосами» — грязно-седые полосы, появившиеся в бороде еще в юном возрасте. Ему было всего 56 или 57 лет. На этой неделе за добычу пищи отвечал Хобблфут.

«Хорошего пробуждения», — ответил Йорвиг. Он заметил, что Хобблфут нес на длинном шесте рыболовную сеть. Никто не сказал ему ничего непосредственно о заколе, но когда Йорвиг и Хобблфут вышли из штольни, старший дворф направился на юго-запад, следуя кратчайшим путем к заколу, которую Йорвиг победил во время своих трудов.

Йорвиг не особо возражал, что никто ничего не сказал о заколе. У дворфов была поговорка, которую можно примерно перевести так: «Лучшая похвала — это похвала другого в его отсутствие». Дворфы не в обычае выражать похвалы напрямую, но, без сомнения, остальные говорили об этом вместе, если считали труды Йорвига достойными. «Пусть чужие уста хвалят тебя», — еще одна поговорка, которую часто повторял его отец. Другими словами, не говори о своей работе. Как бы он ни был доволен улучшением, оно никоим образом не удовлетворило бы все их потребности. Пяти работающим дворфам требовалось огромное количество еды, а охота,

ловля и сбор в окружающем лесу всегда были постоянной необходимостью, которая становилась все труднее по мере того, как они истощали местную дикую природу. Если бы они прорвались и решили остаться, им пришлось бы заниматься земледелием – еще один огромный труд.

У Йорвига нёс с собой инструменты и веревка, привязанные к его обычно пустому рюкзаку. Поскольку остальные еще не обращались к нему с просьбой о назначении заданий, он хотел воспользоваться днем и самому осмотреть лощину. Слэдждфист и Хобблфут были уверены, что это идеальное место. Он тоже хотел убедиться в этом, прежде чем тратить свои силы на копание. Дело не в том, что он им не доверял... Йорvig удержался от этой мысли. Он не хотел думать о последствиях. Тем не менее, он думал о них.

Он знал, что они никогда не попытаются его обмануть. Но они могут обмануть себя.

Лощина образовалась вокруг весеннего источника, который с талой водой или дождем стекал по склону горы. Она впадала в артезианский колодец в котловине лощины и текла к реке. В это время лета обнаженные булыжники и камни весеннего ручья были сухими. Дальше по хребту лощина становилась уже, пока не исчезла в лесистом склоне горы. В самом широком месте у реки лощина была чуть меньше пятисот ярдов в поперечнике. Шахтная штольня располагалась у изгиба северного края лощины, где обнаженный песчаник был слишком крутым, чтобы за него могла ухватиться даже корявая сосна. Там был пласт: две складки породы, соединяющиеся с линией минерализаций в месте слияния. Без сомнения, это был тот же пласт, который разрабатывали остальные внизу.

Сзади послышался грохот, когда Вармкоут встряхнул верхний водослив, смещая осадок из-под крупных камней, которые он только что сбросил. Текущая вода унесет более легкие материалы в следующий водослив и далее, создавая слои. Тяжелые минералы, такие как золото, упадут на дно, застревая в деревянных планках. Это тот же принцип, что и при промывке золота, только в большем масштабе, где основную работу выполняет поток воды. Наличие активного источника было большим преимуществом для участка, но не имело значения, если кроме кварца и железа здесь не было ничего ценного.

Хвостохранилище подступало прямо к краю скалы к северу от штольни, поэтому Йорвигу пришлось обойти её полностью, а затем начать подниматься выше по лощине. Он пробирался сквозь сосны, которые больше цеплялись за скалы, чем за тонкий слой глины на склоне. Он подтягивался руками за ветки и обнаженные камни так же, как шел. В некоторых моментах он вытаскивал кирку и использовал ее, чтобы подтянуться вверх. Лощина быстро стала крутой. Несколько раз он останавливался, чтобы убрать часть поверхностного гравия и земли, чтобы взглянуть на скалу ниже. В основном это был песчаник, но тут и там были вкрапления, в основном кварца, но он также видел магматическую шахту, идущую под углом через склон, почти черную. Таковы были остатки великого катаклизма, поднявшего и согнувшего эти холмы. В нескольких сотнях ярдов вверх по склону его внимание привлекло что-то на западной стене лощины — темная полоса в скале.

Когда ему удалось подойти и исследовать, он увидел, что камень на самом деле не обесцветился. На самом деле он был светлее окружающего камня. Это была всего лишь внутренняя вертикальная складка, которая в тени казалась глазу темнее. Концом кирки он оторвал немного мха. Его взгляд привлёк блеск кварца. Еще кварц. Кварц сам по себе не был слишком интересным, но некоторые жилы кварца содержали золото, серебро, медь. . . И по следам отложений в ручье они уже знали, что где-то вдоль этого хребта есть золото.

Он использовал молоток и круглое долото, чтобы отломить кусок кварца, который удобно

поместился в ладони. Он взял его и осмотрел поближе. Не было никаких характерных включений, хотя он увидел дефекты песка, чего он и ожидал от кварца, взятого из стены из песчаника. Его взгляд скользнул вверх по расщелине скалы, и примерно в пятидесяти футах выше он заметил кое-что еще. Издалека вершины хвойных деревьев закрывали обзор, но здесь он мог видеть второй шов, горизонтальный, пересекающий вертикальный шов. Там, где проходил горизонтальный шов, камень прямо под ним выступал, образуя узкую полку. В этом было преимущество обнаженных скал, таких как западная стена лощины: на них были видны вены, швы и все застывшие движения скалы. Но нечто большее всегда может скрываться невидимым под тонким слоем глины или мха.

Йорвиг направился дальше вверх по лощине, надеясь найти место, где склон поднимался к ней. Ему пришлось пройти еще тридцать ярдов, прежде чем он нашел место, где где склон соединялся с лощиной. Он хотел достичь стыка двух швов; кто знал, какое слияние минералов и древней энергии соединилось там во время катаклизма? Хотя народ Йорвига знал, что много веков назад великий катаклизм расколол мир, они знали не так уж и много, кроме того, что он, должно быть, был таким горячим и мощным, что невозможно себе представить.

Достичь стыка не было возможно. Камень под горизонтальным швом выступал на несколько дюймов, но не настолько, чтобы можно было ходить по нему. Над швом скальная поверхность продолжалась вверх, прерываясь лишь случайными, обрушившимися полками, а затем наклонялась вверх, образуя крутой, покрытый соснами выступ хребта выше. Йорвиг вздохнул.

Ему потребовался еще час, чтобы расположиться на покрытом деревьями склоне над местом соединения. Он привязал конец своей веревки к самой прочной сосне, а другой конец — к знакомой шахтерской обвязке из квадратных узлов и петель, которая удерживала его от плеч до бедер. Подойдя к краю, он посмотрел вниз. Сосна, которую он выбрал, находилась в паре ярдов в стороне от стыка. Хотя сам стык был невидим, он срезал ветки с дерева перед собой и снял кору, оставив белую полосу внутренней древесины, чтобы ориентироваться на расстоянии. Отступив назад, он выпустил веревку из рук и медленно начал спускаться по почти вертикальной скале. Ему удалось остановиться и отдохнуть на нескольких полках между собой и стыком, но ему потребовалось менее десяти минут, чтобы опуститься параллельно стыку, а затем пройти боком по скале. Он поставил носки своих ботинок с подбитыми гвоздями на узкий выступ, а затем обернул вокруг себя остальную часть веревки в несколько аккуратных витков. Оставалось не так уж и много. Он мог бы предупредить остальных и найти кого-то другого, но не думал, что они остановятся в своей работе. Слэджфист попытался бы воспрепятствовать этому или даже запретить, заявив, что они уже обследовали лощину. И все же дворфы в шахтах привыкли к таким опасностям, и если он умрет, ему, по крайней мере, не придется слушать, как другие ругают его за аварию. Он прибыл в дикую местность не без намерения рискнуть.

На такой высоте на скале мха было меньше, но верхушки некоторых сосен все еще возвышались над ним. Ворона сердито каркнула. Ему потребовалось минута, чтобы осмотреться. Он мог видеть почти всю лощину, которая выглядела здесь не как огромная ямка в хребте, а как два огромных каменных защитных рукава, спускающихся к реке. Ветер подул ему в лицо, и он глубоко вздохнул, вдыхая сильные запахи глины, песчаника и влаги.

Кварц засиял в месте стыка, и он оперся на веревку и вытащил молоток и круглое долото из сумки на боку. Поразмыслив, он положил долото и ударил, выпустив резкий запах кварца, когда старое обветренное лицо раскололось, обнажив более яркий камень под ним. Вскоре он выбил кусок камня из стыка. Это был образец конгломерата, разнообразные грани кварца на матрице песчаника, но там были и другие минерализации. Он поднес образец к свету. Словно пыль на кварце, там блестели цветные крапинки. Он осмотрел его, понюхал и немного

поковырял ногтем. Он мог сказать, что отчасти это был пирит. Но, возможно, не все. А пирит сам по себе был минералом-индикатором. Независимо от того, где он увидел такой образец, ему хотелось бы продолжить разработку этого места.

Разве другие не исследовали эту лощину? Никаких следов предыдущей работы не было. Родник, конечно, вытекал из выбранной ими штольни, поэтому имело смысл копать именно там... но он не видел в выкопанном ими пласте ничего столь многообещающего, как этот. То место было легче копать, дно лощины у подножия скалы, — определенно легче, чем здесь, в пятидесяти футах над крутым склоном. Конечно, можно было бы устроить базовый лагерь у воды...

Также потребуется много усилий, чтобы начать процесс добычи здесь. Кто-то, желающий начать, может не захотеть попробовать это место. Прежде чем приступить к какой-либо серьезной работе, необходимо будет создать доступ к нему.

Йорвиг работал до поздней ночи. Он хотел избежать столкновения с остальными, хотя любой мог услышать удары долота и кирки в любом месте лощины, если бы вышел наружу. Он не знал, как долго продлится терпимость других к тому, что он преследует свои собственные замыслы. Сон наступил почти мгновенно, когда он все же прилег в кладовой, и так же быстро уснул. Когда его глаза открылись, он уже думал о работе. Он спал не снимая одежды, быстро поднялся, схватил инструменты и вышел в темный проход штольни.

<http://tl.rulate.ru/book/117075/4646519>